

многие из них, требующие подготовки; поневоле ему приходится, таким образом, довольствоваться крохами, падающими со стола привилегированных сословий.

Мы вполне понимаем поэтому, что физический труд при таких условиях считается проклятием судьбы; мы вполне понимаем, что все мечтают только об одном: выйти самим или вывести своих детей из этого униженного состояния и создать себе «независимое» положение, т. е., иными словами, - жить самим на счет труда других! И это будет так до тех пор, пока будет существовать класс людей, обреченных на ручной труд, а рядом с ним другой класс, именующий себя «работниками мысли», избавленный от такого труда, - класс чернорабочих и класс белоручек.

Какой, в самом деле, интерес может представлять этот отупляющий труд для рабочего, который заранее знает, что от колыбели до могилы проживет он среди лишений, бедности и неуверенности в завтрашнем дне? Когда видишь, что каждое утро громадное большинство людей принимается вновь за свой печальный труд, то остается только удивляться их силе воли, их верности своей работе, их привычке, которая позволяет им, подобно пущенной в ход машине, вести изо дня в день эту нищенскую жизнь - жизнь без всякой надежды на завтрашний день, даже без всякого, хотя бы смутного предвидения, что если не они, то по крайней мере их дети войдут когда-нибудь в состав мыслящего человечества; что хоть они насладятся сокровищами природы, всею прелестью знания и творчества, научного и художественного, доступного теперь лишь ничтожному привилегированному меньшинству.

Именно для того, чтобы положить конец этому разделению между умственным и физическим трудом, мы и хотим уничтожения наемного труда. Ради этого мы и стремимся к социальной революции. Труд перестанет тогда быть проклятием судьбы и сделается тем, чем он должен быть, т. е. свободным проявлением всех человеческих способностей.

Пора, наконец, подвергнуть серьезной критике ату старую басню, будто бы труд лучшего качества получается из-под палки, из-за боязни потерять свой заработок. Стоит только посмотреть на любую фабрику или завод - не на те образцовые заводы, которые можно изредка встретить кое-где, а на завод обыкновенный, такой как все, - чтобы увидеть ту страшную, невероятную трату человеческих сил, которой отличается вся современная промышленность. На одну более или менее разумно организованную фабрику приходится сто или даже больше таких, которые тратят драгоценную силу человеческого труда из-за того только, чтобы доставить хозяину на несколько копеек больше прибыли в день - буквально на несколько копеек.

Вот, например, передо мною молодые парни лет двадцати, двадцати пяти, сидящие целые дни на скамье согнувшись и лихорадочно встряхивающие головой и всем телом, чтобы связывать с быстротой фокусников концы остатков бумажных нитей, возвращающихся к ним со станков, на которых ткut кружева. Я просто с ужасом, отшатнулся, когда увидел эту ужасную картину на одной из больших фабрик в Ноттингеме. За что губится так человеческая жизнь? За что люди, молодые, полные сил, доводятся до этого позорного состояния? - Буквально из-за грошей? Какое потомство оставят после себя эти дрожащие, отошальные, полупризрачные люди? Но... «они занимают на фабрике так мало места, а между тем каждый из них приносит мне около двадцати копеек чистых в день, - отвечает хозяин. Они с детства стоят на этом».

В других местах, например, в одной из громадных лондонских спичечных фабрик, которая и патриотизм эксплуатирует в своих объявлениях - «мы, дескать, покро-